

Школа общины с Хулианом Карроном
Милан, 20 марта 2019 г.

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 254–260

- *Monologo di Giuda*
- *Non son sincera*

Слава...

Сегодня мы рассмотрим две последние характеристики Церкви – вселенскость и апостольство. Меня поразило, с чего отец Джуссани начинает разговор о вселенскости, – с констатации, выраженной словами Дж. Г. Ньюмена: «Церковь обладала почетным званием, которое все за ней согласно признавали...», званием, которое было для всех очевидно, и именно поэтому его использовали практически с самого начала. Ее именовали вселенской. Чтобы этот аспект еще более прояснился, Ньюмен сопоставляет Церковь с сектами, которые по определению ей противоположны, поскольку в них нет вселенского дыхания. Цитируя святого Павла, он говорит: «Еретик „сам собою осуждается“, и по отношению к сектам первых веков Церковь не нуждалась в свидетельстве более ясном, чем свидетельство самих сект о резком различии между позицией Церкви и их позицией» (Ср. С. 254). Каждый из нас своей жизнью в Церкви свидетельствует об одном или о другом – это тоже констатация. Тем, как мы живем, утверждается перед всеми та или иная позиция. И тут ничего не нужно добавлять, все и так очевидно, что в одном случае, что в другом. Меня поражает фраза, которую он приводит: «Церковь не нуждалась в свидетельстве более ясном, чем свидетельство самих сект». Уже то, как человек ведет себя, говорит обо всем. Самой своей позицией и Церковь, и секты говорят о том, чем они являются. Церковь – продолжает Джуссани словами того же Ньюмена – осознала себя постепенно. Поразительно, как об этом сказано: «Отличительная черта» Церкви состояла прежде всего в ее особом качестве – вселенскости, которое с самого начала обнаруживалось в опыте». У истоков всего лежал опыт, и тот же изначальный опыт переживает сейчас каждый из нас. Принадлежность к Церкви – в первую очередь опыт, и мы должны постоянно отдавать себе в нем отчет. Церковь мало-помалу осознавала этот опыт, постигая «важнейшие свои свойства» (Ср. С. 255). Это ключевой момент: путь развития, который должна была проделать Церковь, надлежит проделать и каждому из нас, чтобы наш изначальный опыт Церкви стал по-настоящему осознанным, чтобы все его важнейшие свойства стали очевидными для нас. В противном случае наше сознание остается слабым, и перед лицом жизненных обстоятельств мы редуцируем опыт вселенскости. Вот почему столь значимо сказанное в тексте. То, что случилось в начале церковной истории – истории, которая достигла и нас и которую мы переживаем, имеет силу и в каждый последующий ее момент и указывает на различие между полноценным и урезанным способом жить в Церкви. Меня поразило письмо одной женщины, приобщившейся к жизни Движения. Она пишет: «У меня был трудный период в жизни. Когда родилась моя четвертая дочь и у нее обнаружили некоторые проблемы со здоровьем, мне внезапно пришлось поменять жизнь – начиная с работы и заканчивая домом. Мое положение было для меня бременем, я чувствовала себя все более одинокой и даже подавленной. Одна подруга из прихода пригласила меня в свою группу школы общины. Я понятия не имела, что это значило, у меня была разве только размытая идея, основанная на негативной информации, которую я когда-то слышала. „Уж не секта ли это?“ – подумала я. Но тот факт, что меня позвала именно та подруга, обнадеживал, и я была уверена, что это благо для меня. [Каждый из нас переживает определенный опыт, и люди, с которыми мы встречаемся, сразу же могут уловить его, даже если у них возникает вопрос, не секта ли перед ними. Далее начинается путь проверки, в ходе которого несомненным образом проявится

ответ.] С той же подругой я была на Дне начала года, но поняла не слишком много. Я старалась верно участвовать во встречах группы, начала рассказывать о себе, слушать об опыте других людей. Я также ходила на собрания всей общины. Я еще не очень хорошо знаю, что такое „Общение и освобождение“ и что в связи с ним готовит мне будущее. Однако в последние месяцы я заметила собственное изменение, словно моя подавленность испарилась. Я чувствую, как нуждаюсь в людях из группы, вижу в них дар для моей жизни (хотя мы мало в чем сходимся, наши интересы не совпадают). Часто в течение дня, когда я в основном занимаюсь моей дочерью или работаю в одиночестве, я думаю о них [они стали частью ее самосознания, хотя она и не встречается с ними часто], и это утешает и поддерживает меня. Мне больше не стыдно не понимать то, о чем я читаю, ведь потом, в выступлениях, в рассказах друзей содержание текстов проясняется. Я узнала саму себя, узнала, кто я! [То, что человек участвует в истории вселенского масштаба, видно сразу, поскольку он видит, как она отвечает на его нужду, позволяет узнать самого себя.] Несмотря ни на что, мое сердце стало лучше, и все, чем я занимаюсь, заиграло новыми красками. [Опыт подтверждает первоначальное предчувствие, возникшее в отношении с подругой.] Благодарю моих подруг за то, что они встретились на моем пути и не отпускают связующую нас нить, периодически натягивая ее и напоминая мне о верной дороге». Опыт этой женщины не заканчивается там, где он начался. Порой, идя вперед, мы наталкиваемся на препятствия, которые побуждают нас глубже понять то, о чем говорит Ньюмен, и делают нас сознательнее в отношении отличительных черт Церкви.

Когда я читаю эти страницы школы общины, у меня возникает сомнение. В тексте говорится о вселенскости как об одном из присущих церковной общине свойств, которое «при единстве веры... выражается через многообразие менталитетов, культур, цивилизаций» (С. 256). Такой взгляд воодушевляет, потому что охватывает все и ничего не исключает. Однако у меня есть сомнение относительно истинности этого опыта всеобщности и разнообразия для нас. Часто мне кажется, что между нами существуют негласные правила, которых нужно придерживаться и без которых ты по сути не являешься частью общины. Словно я должна прятать какие-то мои качества и проявлять только другие. И я спрашиваю себя: что происходит, когда мы начинаем думать так? Куда мы скатываемся? Неужели и правда есть во мне стороны, которые никуда не годятся? Если задуматься о таких моментах, когда я чувствую себя за рамками общины, когда мне одиноко даже в толпе друзей, то прежде всего мне кажется, что причина в том, как я сама себя воспринимаю. Первый человек, кому я не нравлюсь, кто меня не одобряет, кто не считает меня правильной, кому мои качества кажутся бесполезными, – это я. Первое следствие такого самовосприятия – печаль, второе – закрытость. Именно они порождают потом и мысли об общине: я закрываюсь от самой себя, а значит, неизбежно и от других. Единственным способом начать все заново всегда было для меня нечто непредвиденное, нечто заставившее меня врасплох и потому оживлявшее. Со временем это стало происходить все быстрее, поскольку я начала доверять и ждать нового начала. Тем не менее многие из нас отдаляются все больше, все менее охотно принимают непредвиденное. Как мы можем помочь друг другу в этом? Что позволит нам смотреть друг на друга так, как все мы того желаем, без ограничений и формальностей?

Как же мы можем помочь друг другу? Чему ты научилась из того, о чем рассказала? Что тебе помогло начать заново?

Доверие.

А как быть, если не находишь людей, которым доверяешь? Это важно понять. Все мы знаем правильное определение Церкви. Но, как ты говоришь, существуют словно некие негласные правила, и, если у меня есть те или иные качества, я могу остаться за рамками общины. Нам словно не хватает вселенского дыхания. О чем это говорит? О том, что часто мы переживаем вселенское измерение Церкви в разных местах, где находимся, не дыша полной грудью. Мы бедные люди и порой живем нашей принадлежностью к Церкви, будучи неспособными обнять другого во всей его инаковости, принять тот путь, по которому он сейчас идет. И тогда нам кажется, что нужно прятать некоторые свои качества, чтобы нас приняли. В связи с этим каждый должен совершить личную работу. По твоим словам, у тебя возникло подозрение: «Причина в том, как я сама себя воспринимаю». Из-за него ты замыкаешься в себе. И именно это побудило тебя к работе над собой. Без нее мы в конечном итоге позволяем нашему самовосприятию определять нас, словно принадлежность к Церкви означает всего-навсего возможность быть принятыми в какую-то группу, а не опыт причастности к чему-то, что делает меня все больше самим собой. Порой обновленное самосознание возвращают тебе непредвиденные события, но то же может случиться и благодаря работе над школой общины или признанию того, что произошло в твоей жизни. Все это позволяет тебе вернуться к верному самосознанию. Твой опыт нуждается в осознании, чтобы в жизненных ситуациях вроде той, что ты описала, ты не редуцировала произошедшее. Самосознание должно расти. Это то, что мы выше сказали о Церкви. Ты пережила некий изначальный опыт, но, если он не становится частью твоего самосознания, если он не открывает тебе важнейшие стороны произошедшего с тобой, ты полностью зависишь от того, принимают тебя или нет, от способности места, в котором ты живешь, должным образом тебя принять. Однако ты принадлежишь к Церкви в силу произошедшего с тобой Факта! Необходимо, чтобы такое сознание возрастало в тебе, а иначе ты ограничиваешься своим самовосприятием: ты себе не нравишься и сквозь эту рану смотришь потом и на общину. Мы же должны все время возвращаться туда, где случается непредвиденное, возвращающее нам дыхание, которое нам так нужно. И поэтому значение имеет не только начало, но и тот путь, какой нужно потом пройти, чтобы свойства церковной жизни отразились на том, как мы воспринимаем собственную человечность. А как мы понимаем, что начало играет основополагающую роль в продолжении пути? Откуда мы знаем, что встретили именно вселенскую Церковь? В тексте говорится: «Церковь заявляет свои права на подлинную человечность» (С. 255) Но что значит «подлинная человечность»?

Я открыл ее для себя по мере пути.

Прекрасно. Мы все именно в пути ее и открываем.

По поводу вселенскости хочу привести пример, а потом задать личный вопрос. Оттолкнусь от слов на с. 255: «Итак, вселенскость – это важнейшее свойство Церкви, и в нем выражена по сути ее неразрывная связь с человечностью во всем ее многообразии». Я оцениваю свой опыт и смотрю на свою человечность в свете одного ее проявления, которое с самого детства радикальным образом определяло ее, – в свете депрессии. Для меня все именно так: Церковь полностью мне соответствует в этом особом проявлении моей человечности – психическом расстройстве, и она научила меня жить с ним и принимать его как мой в высшей степени личный путь с Иисусом Христом и к Нему. Отношения с людьми, которые я проживаю, и сознание о том, что в конечном счете моя судьба – благо, представляют собой существенный фактор в улучшении моего состояния. В этом я глубоко убежден, и подобное убеждение возникает только из опыта, о котором вынесено суждение. Но тут встает вопрос. Ты порой напоминаешь нам о пустоте, то и дело «разъедающей изнутри». Думаю, тебе прекрасно известно, что моя патология подразумевает обостренный и ограничивающий возможности опыт такой пустоты. Я бы

описал его как чувство, будто все внутри обращается в пыль, как утрату собственного центра, как тошнотворность самых обычных вещей вкупе с возбужденностью, беспокойством, угнетенностью, тревогой и паникой – следствием как раз таки опыта утраты себя. Вопрос, которой я хочу тебе задать, основан на предположении о том, что опыт пустоты, как я его описал, пусть не столь острый и не столь ограничивающий в возможностях, присущ и тем, кто, как ты, принимает по принципу вселенскости всю свою человечность, не отбрасывая ни грамма, не исключая даже того, что кажется полной противоположностью той изобильной жизни, которую мы переживаем в Церкви. Как ты, на том отрезке твоего пути, которого ты достиг на сегодняшний день, переживаешь моменты, когда пустота разъедает тебя? Я прошу не дать мне рецепт, а описать твой опыт, то, как твой путь в Церкви и в Движении позволяет тебе сегодня переживать опыт пустоты.

Первое, что в моих силах, – любить мою человечность такой, какая она есть, ведь она может переживать сложные (пусть и не такие острые, как ты описал) периоды, моменты, ситуации. Я от них не избавлен, и ты неоднократно это видел. Их можно воспринимать как несчастье, как то, чего стоит избегать, что нужно прятать. Но я не могу не смотреть им в лицо. Неважно, идет ли речь о бóльших или меньших трудностях, поскольку есть то, что глубже всего этого, глубже любых более или менее тяжелых расстройств, любых моментов, когда распространяется пустота. И именно в такие моменты человек осознает, что лежит в основе его «я», в самых его недрах, и замечает, какая головокружительная бездна в нем скрывается.

Бездна нехватки...

Нехватки, одиночества, отсутствия смысла того, что мы делаем, смысла всего без исключения. И мы порой сразу же спасаемся бегством, думая, что, чем быстрее преодолеем трудности, тем лучше. Если же человек не убегает и отводит место для проблем, для сложностей, для этого водоворота, то ясным образом проявляется глубина его «я», глубина, которая укоренена в нем крепче, чем любые лежащие на поверхности трудности или душевные состояния. И тогда он начинает сознавать глубину вещей. Именно в такие моменты мы можем по-настоящему научиться использовать весь потенциал нашего разума.

Благодаря тому, что, казалось бы, его отрицает.

Вот почему мне так нравится одна фраза отца Джуссани: нужно «привести разум в полную боевую готовность», потому что «я» не сводится к видимости. Недавно одна подруга спросила меня, что значит использовать разум. И я, пытаясь помочь ей, сказал, что, когда мы используем разум, имея в виду все факторы, полностью распахивая его, ощущая потребность в наделении смыслом всех факторов «я», если мы используем его надлежащим образом, если мы к этому приучены, то не можем не прийти до признания творящей нас Тайны. Когда это случается, чем активнее ты используешь разум, тем больше открываешься перед Бесконечным, творящим тебя, и привязываешься к Нему. Так ты начинаешь побеждать пустоту, пустота повержена признанием Того, Кто творит меня здесь и сейчас, без Кого я не мог бы существовать в настоящий момент со всеми моими проблемами и невзгодами, со всеми моими ощущениями от вещей. Я есть как раз потому, что я переживаю все это. Не будь тебя, ты не мог бы чувствовать все то, о чем говорил. Парадоксально, но, чем больше я все это ощущаю, тем я живее, а значит, Другой творит меня. Так я понимаю, что Церковь постоянно учит меня истине обо мне самом. И это путь, по которому человек может идти или не идти. Кто-то останавливается на видимости вещей, и тогда побеждает пустота. А кто-то прислушивается к своей потребности найти смысл во всем и одерживает верх над пустотой, поскольку

открывает для себя отношение с творящей его Тайной. Меня всегда поражало, что отец Джуссани непрестанно призывал нас тренировать разум. В конце десятой главы «Религиозного чувства» он говорит, что часто из-за главенства позитивистской, рационалистической культуры наш разум останавливается на видимости, на явлениях вроде тех, что ты описал. Мы не идем дальше и задыхаемся. Знак того, что мы остановились на видимости, говорит Джуссани, именно в том, что мы задыхаемся. Как понять, что я должным образом использую разум? По тому, дышу ли я свободно, вступаю ли в отношение с Тем, Кто меня творит, именно в трудной ситуации, а не в какой-то другой, не завтра и не послезавтра. Чем активнее я использую разум, чем больше обстоятельства побуждают меня использовать его (я не могу и дальше задышаться, словно это нормальное мое состояние, поскольку я создан для чего-то лучшего), чем сильнее я люблю самого себя, тем нужнее мне это отношение. Если для вас оно неважно, то каждый потом столкнется с последствиями. Но, когда у человека есть хоть сколько-то любви к самому себе, нежности к самому себе, он не может не желать дойти собственных глубин, чтобы признать Того, Кто позволяет ему дышать. Это, говорит Джуссани, способно исцелять наше «я». И вовсе не значит, что в твоей жизни больше не будет трудностей, но они уже не испугают тебя, поскольку всякий раз ты можешь противостоять им снова и снова. «Итак, вселенскость – это важнейшее свойство Церкви». И почему Церковь вселенская? Потому что она неразрывно связана с человеком во всей его человечности, с каждым человеком и в любой ситуации – культурной, социальной, психологической или любой другой. Таким образом, вселенскость означает, что Церковь, ее дух, истина, которую она провозглашает, опыт, который она предлагает, знакомят тебя с истиной о тебе самом и о жизни; Церковь несет в себе эту истину, позволяет тебе понять твою человечность в ее целостности, увидеть, что она не сводится лишь к предшествующим ей факторам. И это может произойти в любой психологической ситуации, в любой культуре, при любом менталитете. Именно благодаря такому подходу мы видим наиболее адекватную реализацию нашей подлинной человечности. Если коротко, говорит Джуссани в тексте, христианство заявляет, что просто-напросто соответствует предназначению человека. Все мы призваны переживать такой опыт, чтобы понять, что значит принадлежность к вселенской Церкви. И за нас этого никто не может сделать. Благодаря такому месту, как наше Движение, я научился жить так, видеть, как опыт, предлагаемый Церковью и переживаемый в свете нашей харизмы, напрямую связан с моей человечностью, с любым человеком в любой жизненной ситуации. И поэтому я рад сегодняшнему положению дел, ведь я могу еще больше проверить соответствие мне Церкви в таких обстоятельствах, нежели в спокойной и беспроблемной обстановке. Именно в них еще ярче сияет инаковость вселенской Церкви в сравнении с любым другим, более узким, более давящим образом жизни. Это видно, это отражается у нас на лице. И как же свободно можно дышать, если мы следуем и сознаем неразрывную связь Церкви с нашей человечностью, с любым человеком в Церкви!

Я выступала на последней школе общины в нашей группе, потому что мне не удавалось понять на опыте заключения, к которым пришел отец Джуссани в конце второй главы, особенно когда он говорит: «Каждая из отличительных черт [Церкви: единство, святость, вселенскость и апостольство] подвигает ум и сердце припадать ко всем богатствам подлинной человечности, присущей всему человечеству, чьи истоки едины, чья судьба едина, чьи различные пути должны быть пройдены в компании Того Единственного, Кто пожелал даром для человечества, чтобы мы не сбились с пути» (Ср. С. 260). Я понимаю, что отец Джуссани говорит о необходимости на опыте проверять присутствие божественного в Церкви. И я чувствую, что это крайне важно сейчас, когда я ощущаю повседневную ответственность. Я работаю с одной коллегой, переживающей очень тяжелый период. Она атеистка. Уже несколько лет она наблюдает за мной и задается вопросами об идеях, которые я разделяю, и об инициативах, в которых я участвую. Она была со мной на продовольственном сборе, вместе с сыном приходила на презентацию выставки о докторе

Джанкарло Растелли, организованную в нашей больнице, и просила и дальше иметь ее в виду, потому что, участвуя в подобных мероприятиях, она чувствует себя лучше и рада видеть меня счастливой. Несколько дней назад меня попросили помочь ей подготовить срочный отчет, из-за которого она очень волновалась, поскольку именно сейчас повседневные проблемы вышли на первый план. В конце дня она сказала: «Вы моя Церковь». На следующее утро, представляя отчет нашему директору, моя коллега и ему сказала: «Они моя Церковь». Я вспомнила тогда вопрос, который задавала на школе общины, и изумилась, словно вдруг заметила, что ей на ее пути уготовано было признать Присутствие, сопровождающее человека к благой судьбе, позволяющее поднять взгляд. А иначе, как мы говорили некоторое время назад, повседневность, особенно когда нам сложно, сбивает с ног. И я нуждаюсь в том же самом. Однако, даже если признаешь это, жизнь не становится безоблачной. На работе есть трудности, день за днем ты постоянно имеешь дело со сроками, проблемами, личной жизнью. Я понимаю, что произносить каждое слово есть смысл только тогда, когда я признаю и утверждаю, что я первая испытываю нужду. Тогда я вновь начинаю искать «святых», которые свидетельствуют мне о цельности, о единстве их повседневной жизни. Я понимаю, что именно в этом состоит божественная составляющая. Слава богу, существует место, где я могу и дальше находиться и куда я могу нести мое желание счастья (равносильное поиску, который движет моей коллегой), потому что я ничего не в силах «делать хорошо» без этого признания, несмотря даже на мои благие намерения и попытки совершенствования.

Почему твоя коллега говорит тебе: «Вы моя Церковь», – и начальнику: «Они моя Церковь»? Что такого ты ей передала, что позволяет ей говорить так: «Вы моя Церковь»?

Думаю, она увидела определенный способ отношений между мной и некоторыми другими близкими ей коллегами. Способ отношения между нами и отношения к ней, ее принятия, любви к ней, поддержки – даже в те моменты, когда это не само собой разумеется. Она принимает во внимание все вещи, которые видит в последние годы и говорит о них так. Она атеистка, но ее это заинтересовало.

Она видит непосредственную связь всего этого со своей человечностью. Она, участвуя в жизни вашей Церкви, Церкви, которая достигает ее через вас, дышит свободно и чувствует себя лучше. Ты говоришь, однако, что жизнь не становится безоблачной. И тогда чего ты ищешь? Ты настолько уверена в этом опыте, что в моменты нужды ищешь «святых», то есть тех, кто в повседневной жизни свидетельствует тебе о собственном единстве.

И того же ищет моя коллега.

И она ищет этого вселенского дыхания, охватывающего все в человеке. То, что происходит с одним человеком, может произойти и тогда, когда мы говорим перед всеми.

Пункт о вселенскости поразительно ясен и конкретен. Я сравнивал слова отца Джуссани с моей повседневной жизнью, и это позволило мне вынести четкое суждение о ситуации, в которой мы живем. «Вселенскость Церкви – не вопрос географии или цифр. Церковь и правда должна непременно распространиться и явить себя всем, но она обладает не материальной, а духовной природой. Вселенскость прежде всего есть нечто внутренне присущее Церкви. Церковь в каждом человеке обращается ко всему человеку, принимая его согласно всей его природе» (Ср. С. 255). Далее, ближе к концу пункта говорится: «Подобные методы евангелизации... свидетельствуют о многообразных способностях христианского опыта обращаться к человеку как к таковому, а не как к представителю той или иной

культуры» (С. С. 257). Твое последнее интервью в «Corriere della Sera» подкрепляет это суждение. Такая вселенскость, универсальность более созвучна моему сердцу, нежели другие взгляды и позиции. Я думаю об атмосфере страха в нашем обществе, на работе, между нами, о том, насколько трудно принять другого как он есть. И потому суждение о том, «что живет в настоящем», содержащееся в этом пункте, производит, если я его придерживаюсь, если позволяю ему проникнуть в меня, изменение мышления, подхода, позиции, оценок, порождает «я», способное выдерживать удары обстоятельств и находить возможные решения, которые ничего не оставляют в стороне, которые не оставляют в стороне мое сердце и сердца всех людей. Такая универсальность позволяет познавать то, что в противном случае осталось бы заперто во мне и недоступно для познания. Так создается совершенно иная атмосфера.

Что в том моем интервью заставило тебя думать о вселенскости?

То, что ты смотришь на феномен мигрантов...

...от которого мы часто защищаемся, закрываясь, возводя стены, теряя вселенский масштаб...

...ты смотришь на него не столько как на феномен вообще, ты смотришь на человека, на конкретных людей. И это твой взгляд на все, на всех людей.

В противном случае мы можем собираться здесь, проводить школу общины и думать, как и все остальные люди, сраженные страхом, замкнувшиеся в себе и утратившие вселенское дыхание, обороняющие различного рода стены. Школа общины не оторвана от происходящего в нашей жизни и в мире. Вселенский взгляд – наиболее адекватное суждение, которое мы можем противопоставить самой распространенной в настоящий момент позиции – стремлению отгородиться. У нас же есть возможность переживать опыт настолько истинный, что он не закрывает, а распаивает нас. Вот почему в упомянутом интервью я рассуждал о вкладе Церкви. Церковь способна создавать места, которые помогают нам не замыкаться в себе, а открываться перед всем. Если наша община не открывает нас перед всем, если мы, участвуя в жизни Движения, замыкаемся в себе и думаем подобно многим окружающим нас людям, то опыт, который мы переживаем здесь, не в состоянии дать нам вселенское дыхание, и мы начинаем от всех защищаться.

Именно.

Вот почему крайне важна и четвертая, последняя черта Церкви – ее апостольское призвание. Какими качествами должна обладать Церковь, община, чтобы принимать вызов любой исторической ситуации? Текст описывает апостольство как наличие у христианской общины «бесспорного ориентира» (С. 258), благодаря которому возможен единый подход ко времени. Только участвуя в частной истории, имеющей исторические ориентиры, мы в состоянии совершенно самобытным образом переживать жизненные обстоятельства, вызовы, стоящие перед всеми людьми, и смотреть на них действительно вселенским взглядом, способным охватить всех. У этого места, у этой компании людей, у этой общины есть ориентир – папа, епископ Рима. На протяжении всей своей истории Церковь старалась отождествлять авторитет с историческим ориентиром. Это не какое-то украшение, не какой-то довесок к опыту Церкви. Без такого ориентира у нас нет доступа к истине. Поразительно, с какой смелостью святой Ириней утверждает: «Не следует искать Истину в других местах», тот, кто хочет, может черпать истину в Церкви как «питие Жизни» (С. 259). И это происходит в рамках частной истории, имеющей исторический ориентир. Вот почему Церковь может принимать вызов любого

момента истории. История меняется, возникают другие вызовы, с новым лицом и новыми чертами. Что же выдерживает напор времени?

Начну с пункта об апостольстве, где говорится: «Историческое измерение Церкви есть величайшее чудо... Оно состоит в прочном вплетении в ткань истории слов Иисуса: „Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек“» (С. 259). Несколько дней назад сын наших близких друзей покончил жизнь самоубийством. Под этим ударом рухнули все мысли, рассуждения, слова – всё. Как утешить мать, как не чувствовать вину? Нужно было бы, чтобы Сам Иисус пришел сюда и сказал: «Не плачь», – и показал бы, что Он побеждает смерть. Я знаю только одно (и именно это я сказала моим детям): я не могу и не хочу жить, не думая о произошедшем, не продолжая спрашивать себя, спрашивать не ради чего, а ради Кого стоит жить. Более того, ты как-то сказал: «В христианстве есть одно неудобство: чтобы его встретить нужны люди». Отсюда вопрос: в чьей компании Иисус становится мне близок и говорит не плакать? Где в реальность вплетаются слова Иисуса «Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек»? На самом деле, я прекрасно знаю, о ком речь, знаю, кто для меня знак и компания Бога. Но моя вера, мое сознание о том, кем они доподлинно являются, о присутствии Бога среди нас, слабы. Мое сознание и мое познание этой реальности должны укрепляться.

Я вначале говорил именно об этом: об опыте, лежащем у истоков Церкви, и о необходимости осознать его. Дело не в том, что нам недостает свидетелей, говорящих о характерных чертах вселенской Церкви, то есть людей, укорененных в частной, особенной истории, случившейся с ними. Такой опыт – призыв для моей слабости, призыв осознать, что несут эти свидетели. Осознание не машинально. Все происходящее с нами – возможность для роста моего сознания. И поэтому нужен путь, на котором человек растет, и, когда наступают моменты, представляющие для нас серьезный вызов, мы еще больше призваны к такому сознанию. Именно так Церковь помогает нам. Мы видели это и всегда будем об этом помнить: ничто так не провоцировало отца Джуссани, как 1968 год. Тогда, перед тем вызовом он осознал надежду, которая была в нем самом. И он предложил нам сделать шаг от инфантильного, подросткового переживания веры к вере зрелой, не возлагать надежду на то, что говорит кто-то другой, а открыть надежду, которая есть в нас. Вот что такое зрелый шаг, и в настоящий исторический момент, в силу всего происходящего на уровне личных проблем, на уровне частной истории, которую мы переживаем, на уровне исторических обстоятельств, мы не можем уклониться от него. Вызовы слишком серьезны. Поэтому либо мы пользуемся ими, чтобы укрепить наше самосознание, либо события увлекают нас за собой в направлении всеобщего нигилизма, скептицизма. Если мы пребываем в отношении с апостольской Церковью, то становимся человечнее, все больше самими собой. А знак того, что я связан с общиной, имеющей своим основанием апостолов, – в способности Церкви обращаться ко всему в человеке, к любому человеческому опыту, с которым я встречаюсь. Но это нужно проверять в каждый момент.

Прежде всего должна сказать, что, хотя и изучала Ньюмена, определение вселенскости как обращенности «ко всему человеку согласно всей его природе» прошло мимо меня. Возможно, я заметила его сейчас потому, что я все больше понимаю эту характеристику на собственном опыте в настоящем. Всегда, с первой же встречи у меня было ясное ощущение, что я наконец-то могу сказать «я», как никогда раньше. Однако, как ты говорил в самом начале, лишь со временем можно увидеть Его конкретный взгляд в повседневных ситуациях, в обычных встречах. И всякий раз он покоряет и распаивает меня. Но я не ищу Его, чтобы жить в мире с самой собой, я ищу Его и прошу, потому что, когда недостает Его, недостает всего остального, и, только вновь увидев Его, я становлюсь свободной, цельной и способной вступать в отношения с людьми, которых встречаю. Я начинаю понимать,

что и правда вселенскость есть «важнейшее свойство Церкви, и в нем выражена по сути ее неразрывная связь с человечностью во всем ее многообразии». Приведу пример. В прошлую пятницу я, как обычно, была на каритативе. Мы ходим на вокзал Гарибальди, носим еду и одежду бездомным, которые там спят, и проводим вечер вместе с ними. Среди них есть итальянцы, китайцы, латиноамериканцы, румыны, африканцы, арабы – одним словом, представители самых разных культур. Неоднократно они говорили нам: «Мы ждем вас и остаемся с вами, потому что вы не держите дистанцию». Многие организации обеспечивают поддержку и помощь, но люди, которым помогаем мы, говорят: «Ваш приход – праздник. И дело не в том, что вы приносите еду – с этим мы худо-бедно можем разобраться. Вы дарите нам вашу дружбу». И вот в пятницу один из бездомных, бразилец, с которым я общаюсь больше, чем с другими, разговорился с девушкой-волонтером, пришедшей с нами впервые. Ее поразило увиденное, и она спросила, почему они доверяют нам и так нас любят, и он ответил ей буквально следующее: «Реальность проста. Твой взгляд может быть затуманен жизнью, и ты можешь ничего не замечать, но если вдруг тебе встречается лилия, одна-единственная на все поле, ты должен ее увидеть, слишком уж она красива! С ними все именно так. Невозможно не признавать, что они отдают самих себя, и это открывает меня, и у меня возникает желание отдать и самого себя в дар». Тот же человек подарил мне камень, найденный им на берегу озера (он ездил под Милан в поисках работы, они пытаются что-то менять!). На одной его стороне была надпись на португальском: «Друг – это тот, кого нужно хранить у самого сердца». На обороте он нарисовал мой портрет с крестиком на шее. Я не ношу крестик и поэтому спросила, почему он решил изобразить меня так. Он ответил: «Не знаю, так вышло, я об этом не думал... Просто твоя дружба напоминает мне о Боге». Его ответ привел меня в трепет. Я не могла бы быть ему таким другом, если бы не испытывала постоянно, что Христос смотрит на всю мою человечность, любит и спасает ее! Лишь это позволяет мне смотреть на того человека в первого мгновения нашей встречи как на драгоценный дар, смотреть на него такого, какой он есть, не требуя, чтобы он изменил жизнь, ничего от него не ожидая и часто с удивлением замечая, как рядом с ним во мне вновь отзываются слова, которые Христос говорит мне через все в жизни: «Я хочу, чтобы ты была. Именно ты». Как невероятно и как верно то, что говорит Джуссани: «Христос есть, и поэтому нет человека, который был бы мне не интересен». Вот почему, узнав о теракте в Новой Зеландии, я испытала настоящий ужас. Без исторической встречи, без Христа, Который выявляет и защищает все измерения моей человечности, глубочайшие стороны сердца другого человека в конечном итоге остались бы чуждыми глубочайшим сторонам моего сердца. На Великий пост ты задал нам вопрос: «Следую ли я за Иисусом в рамках истории, в которой Он явил Себя? По каким знакам я понимаю, что следую?» Я благодарю тебя, поскольку живо ощущаю потребность остановиться и оглянуться на реальность, вынести суждение о моем опыте, имея в виду твой вопрос. И уже то, что я тебе рассказала, в своей исключительной обычности, для меня – явный знак истоков моей личной истории с Иисусом, притягательности харизмы.

Знак личной истории, достигшей нас и укорененной в апостольской преемственности, частью которой являемся и мы. И поэтому, когда мы принадлежим Церкви, обладающей такими качествами, она постоянно распахивает нас и ведет к единству нашего «я», как мы видели, говоря о единстве, она распахивает нас всему, именно потому, что мы причастны ее апостольскому призванию. Какая благодать – пребывать в месте, которое так формирует нас, которое порождает личность со всеми измерениями человечности. Для этого нужно просто быть погруженными в жизнь места, которое Христос сотворил и продолжает творить через Духа, через такую харизму, как наша, которая достигает нас сейчас. Достаточно позволить формировать себя таким образом.

Следующая школа общины состоится в среду, 22 мая. В ближайшее время будем работать над третьей главой – «Ты упования живой родник» и над заключением (С. 262–265), а также над введением к упражнениям Братства.

В этом году в качестве изображения для пасхального плаката мы выбрали фреску «Христос и апостолы» (церковь Св. Маргариты, Ладжо-ди-Кадоре). Ее сопровождает следующая цитата отца Джуссани: «Люди, которые шли за Ним, ученики, которые последовали за Ним, были такими же бедолагами, как я и ты, но Его Присутствие определяло их как новую надежду, совершенно новую уверенность, новую реальность. Его Присутствие современно мне, моим детям, тем, кто придет позже, через сто миллионов лет, – и вот победа, побеждающая мир, вот совершенная новизна, вот божественное в истории! Я остаюсь таким же бедолагой, но Христос дает мне уверенность, богатство. Моя личность, ее сила притяжения, мое умение любить себя зависят от существования Его Присутствия. Только в общении с Ним человек любит себя самого, только тот, кто несет весть о Его Присутствии, может говорить о любви к себе самому, о любви к себе, а значит, и о любви к другим».

На итальянском сайте Движения и в соцсетях есть также видеOVERсия – еще один способ распространять плакат и делиться им с друзьями и знакомыми.

Упражнения Братства начнутся ужином в пятницу. Прошу вас обращать внимание на моменты молчания, пения и молитвы, а также на других людей. Давайте проживем упражнения, ничего не упуская из виду, чтобы они отразились на нашей жизни.

Veni Sancte Spiritus

Доброго всем вечера!